

Татьяна Стафеева
Корпоратив
на природе. повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19273371

ISBN 9785447494445

Аннотация

Чем окончилось выездное мероприятие, посвященное пятилетию известной в городе фирмы «Соло», читайте в этой книге. Основано на реальном событии, судьбы молодого коллектива и каждого его работника в отдельности собраны в единый сюжет, где одно не существует без другого.

Содержание

1. 8 июня, 16.40. Фирма «Соло»	5
2. 8 июня, 20.30. Супруги Середины	12
3. 8 июня, 20.55. Лада Вельчинова	18
4. 8 июня, 21.50. Андрей Волохов	20
5. 8 июня, 22.00. Лев и Лилия Панины	23
6. 9 июня, 6.00. Андрей Волохов	26
7. 9 июня, 7.50. Фирма «Соло»	31
8. 9 июня, 8.30. Андрей Волохов	36
9. 9 июня, 9.30. Пляж	41
10. 9 июня, 9.40. Лев и Лилия Панины	46
11. 9 июня, 10.05. Фирма «Соло»	49
12. 9 июня, 11.05. Андрей Волохов	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Корпоратив на природе

повесть

Татьяна Стафеева

© Татьяна Стафеева, 2016

© Татьяна Стафеева, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4474-9444-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. 8 июня, 16.40. Фирма «Соло»

Рабочий день близился к завершению, оставалось ровно двадцать минут чистого времени. Однако сотрудники, в основном, люди не старше 40 лет, по обыкновению не доработают до установленного номинала. Начнут выключать компьютеры и переобуваться в уличную обувь загодя, дабы ровно в семнадцать ноль-ноль выскочить из офисов и поспешить к личным авто, либо на остановки общественного транспорта. Хоть и твердит шеф с утомительной периодичностью: «Восемь утра – время не прихода на работу, а начала работы, а пять вечера – время не ухода с работы, а окончания работы!» Персонал успевает перелопатить дневную норму труда без учета каких-то двадцати минут, которые ни в коем случае погоды не сделают.

В тот день сотрудники фирмы «Соло» получили по селективной связи сообщение собраться в кабинете шефа Виктора Кавярзина ровно в шестнадцать сорок.

– Чегой-то придумал? – недоуменно буркнула Ленка Зими́на, обращаясь к коллеге и подруге Тане Заровой, сидевшей за соседним столом.

– Бог его знает! – пожала плечами та.

Подобные незапланированные вызовы, да еще массовые, настораживали.

Таня Зарова, ненатуральная блондинка тридцати двух лет

отроду, русская, не замужем, вообще не любила хаживать к начальству, справедливо полагая, что ничего хорошего от монаршего внимания ждать не приходится: или работы навалят, или втык дадут. Кавярзин – личность непредсказуемая. Никогда не угадаешь, зачем желает зреть пред царственные очи!

Коллектив численностью сорок человек явился незамедлительно.

Осанистый мужчина лет пятидесяти с хвостиком снисходительно показал на стулья, расставленные за длинным совещательным столом и вдоль стен. Когда все расселись, он улыбнулся одними губами:

– Господа сотрудники, у меня для вас сюрприз, надеюсь, приятный! Не далее, как завтра нашей фирме исполняется пять лет! Пройдено немало дорог, сделано немало ошибок! – Виктор Александрович перефразировал слова поэта и сам себе удивился, покачал головой. – Но есть и несомненные успехи, иначе не сидеть нам с вами здесь сегодня! Так вот, администрация решила отметить эту дату нестандартным образом, на природе! Питье, еда, аренда автобуса, организация закупок и приготовление праздничного стола – за счет фирмы! Мы наняли двух поваров и экспедитора. С вас только купальные костюмы и хорошее настроение! Ах, да, чуть не забыл! Мероприятие носит обязательный характер, отказы не принимаются! Оправданием является только тяжелая болезнь и похороны! Тьфу-тьфу, не дай Бог! Сейчас все рас-

писываются в приказе и свободны! У кого есть уважительные причины, говорите немедленно!

– Виктор Александрович, у меня завтра друг женится, – поднялся с места Ванюша Ленин, балагур и всеобщий любимец. – Я – свидетель!

– Приспичит же устраивать свадьбы в такую жару! – недовольно буркнул шеф. – Сколько дней гулять будете?

– Как положено, два!

– Мы одними сутками обернемся, успеешь натрескаться водяры! Свидетель – не жених, пусть переиграют кандидатуру, ясно? – непреклонно заявил шеф.

– Но я обещал, не могу подвести! – возразил Ванюша.

– Хорошо, тогда можешь проститься с квартальной премией! Кстати, всех касается!

Из кодекса клерка:

Пункт первый: «Шеф всегда прав.»

И пункт второй: «Если шеф неправ, смотри пункт первый.»

Это был финт на славу! Платили в «Соло» более чем прилично и потерять денежки в размере оклада никому не хотелось. Тем более, у Ленина, все знали, больной отец и мать на пенсии, требовались дорогие лекарства, да и доктора нынче недешево обходятся! С квартальной премии парень хотел положить родителя в хорошую клинику, причем, стоимость медикаментов и услуги в данную сумму входила лишь наполовину. Вздохнув, примерный сын взялся за ручку.

– Вот так-то лучше, – удовлетворенно проговорил Кавярзин. – И в понедельник чтобы огурцом смотрелся! Усек?

Вдохновленные сценой, остальные расписались в приказе без разговоров.

Из кодекса клерка:

Пункт третий: «Шеф не прессует подчиненных – Шеф проявляет твердость характера.»

Зарова и Зимина вместе вышли из офиса. У лифта их догнал Ванюша Ленин.

– Ну как, Ванек, подставил тебя шеф? – усмехнулась Ленка.

– Ой, не говори, перед Серегой неудобно, за полгода договорились! Как отбрехиваться буду, не знаю! – сокрушался Иван.

– Так и объяснишь! Настоящий друг поймет! Он же в курсе твоих проблем! – посоветовала Таня.

– Да, но до чего неприятно! – бормотал расстроенный парень.

– Солнышко, но нам-то ты тоже нужен, не то всерьез затоскуем! И потом, пожрать шашлыка на халяву – тоже дело не последнее! – утешала молодого коллегу Зимина.

– В самом деле, во всем есть свои плюсы! – согласилась Таня.

– Спасибо, девчонки, вы – настоящие друзья! – уныло ответил парень.

Расставшись с Лениным, подруги прошли по парку

до трамвайной остановки, благо, жили на соседних улицах.

– Ну а ты как? – поинтересовалась Таня.

– Да никак, предки на дачу тянут, клубнику собирать! Мать уже три ведра продала по соседям, теперь на меня наезжает, тащи, мол, на рынок. Думаешь, охота корячиться? Вот жадность-то людская! Который год прошу срыть эту оскому! Я ее с детства терпеть не могу! А поливать, а усы обрезать, а собирать! Потом компоты и варенья варить до усеру! Сдохнешь, блин! Говорю, скажите, сколько нужно, куплю, так нет, им лучше на земле угробиться! Твердят, свое есть свое, а у других, мол, одни химикаты! Ничего им не докажешь. А самое поганое – после клубники смородина и малина пойдут, мать их! – выругалась Ленка.

– Твои родаки старой закалки, – заметила Таня, – стало быть, тебе пикник даже на руку.

– Еще бы! Приличный повод отбояриться от повинности! А тебе?

– Пожалуй, тоже, – подумав, ответила Зарова.

– Зара, не темни, ты со своим Витьком поругалась?

– Не совсем. Вчера вечером его ждала, деликатесов наготовила, а тут дождь начался, мой храбрый рыцарь позвонил и сказал, что не придет. Мокнуть они, видишь ли, не желают!

– Во, идиот! – возмутилась Ленка. – Ливень, тоже мне, нашел! Брызнуло две капли!

– Это только причина, просто не захотел. Мальчишка мой возраст смущает, да и не совсем он откровенен. Наверное,

у него кто-то есть. Зачем тогда ко мне ходит, не пойму? Неужели, там не дают? – недовольно проговорила Таня.

– Вот поросенок! Подумаешь, ты его на шесть лет старше! Но ведь не отлипает!

– Да вот же! Сколько раз говорила, не хочешь серьезных отношений, не надо встречаться! Так нет! Где он еще такую дуру найдет! Пообещает в семь вечера нарисоваться, а является в двенадцать ночи! А я его жду, как верная женушка у окошка!

– Да, Танюх, как у тебя только нервы выдерживают! Я вот когда своего последнего бросила, человеком себя почувствовала! Жениться он не готов, а интим – с нашим удовольствием! И вот благодарность за душу и тело – нашел дочку богатенького папочки, прилип клещом. Чертов альфонс! Вообще-то, положив руку на сердце, это он меня бросил! Ну, ничего, мы и без них не пропадем, верно, подружка? – задорно спросила Ленка, скрывая досаду.

– Верно-то верно! Но тебе куда легче, ты еще девчонка, а у меня неудачный брак да два аборта за плечами. Что впереди? Мне вон сосед все предлагает в индуистское братство вступить. Может, и впрямь, самое время? – в конец расстроилась Таня.

– Зара, брось ты это! Не хватало только в секту вляпаться! Хари Кришна, хари Кришна, Кришна, Кришна, хари, хари! – забавно пропела Ленка.

– Ну тебя, подружка, не готова я отринуть все земное

и греховное!

– Вот и ладненько, вот и молодец! А я тебе найду настоящего мужика, вон, Середин Игорь на грани развода со своей Машкой! Он как раз твой ровесник!

– Себе сначала найди! А Середин – слишком серьезный парень, да и Маня – наш человек, жаль, если они расстанутся!

Речь шла о супружеской паре, тоже трудившейся в «Соло». Наряду с Зиминной и Заровой, муж и жена подписали пресловутый приказ. Слухи об их возможном расставании просочились из щедрых уст офис-менеджера Ирины Соловьевой. Уже два дня, как Игорь ходит в столовую с ребятами, отдельно от Маши. А та в перерыв хлюпала носом в туалете и выкурила две сигареты подряд. Когда люди трудятся так тесно, трудно скрыть от собратьев столь толстое обстоятельство, как нелады в семейной жизни.

Подошел трамвай, скрипя, словно несмазанная телега.

– Поехали, великая гуманистка! – хмыкнула Ленка.

2. 8 июня, 20.30. Супруги Середины

Игорь Середин снова ушел с фирмы один. Он не поспешил домой, а от безысходности подался к родителям, где его встретили чрезвычайно ласково. Мать хлопотала, собирая на стол, отец поднял глаза от газеты:

– Привет, сынок! Почитаешь нашу прессу, волосы дыбом встанут! В Ростовской области пропадают дети от пяти лет, затем в колодце находят расчлененные трупы со следами насилия, в Москве и Питере инородцев забивают до смерти, у нас, в райцентре, выкинули младенца в мусорный ящик, совершенно здорового, двух дней от роду...

– Поднялась же рука! – вставила мать. – Порядочные люди забеременеть не могут, а кто-то на помойку деток выбрасывает! Ну, как у Машеньки дела? В ней же причина? Конечно, в ней!

– Не надо, мама! – поморщился Игорь.

– И в самом деле, Катерина, не капай на мозги парню, да еще перед едой! – поморщился отец. – Не язык, а помело!

– Да что такого! От правды не спрячешься, раз третий год не может залететь, значит, причина серьезная. Её хотя бы можно вылечить?

– Не знаю, – проговорил Середин. – А не все ли равно?

– В смысле? – не понял отец. – Вы разводитесь?

– Не знаю.

– «Не знаю, не знаю»! Заладил! – в сердцах произнесла мать. – Ешь вот давай! А то питаетесь одними полуфабрикатами!

– Да не лезет в меня ваша вкусная домашняя жратва, приправленная ложным сочувствием! Наверное, спите и видите, когда мы разведемся! – вдруг заорал Игорь и кинулся в коридор, схватился за белые летние туфли, принялся лихорадочно обуваться.

– Только не делай нас виноватыми! Я знаю, чем все кончится, ты все равно ее бросишь, только сам при этом хочешь остаться страдальцем! – донесся из кухни голос матери.

Слова резанули по взвинченным нервам, словно нож по струнам, которые, оборвавшись, больно задрожали и завибрировали, выдавая отнюдь не музыку любви, но стон боли. Намеки матери, слезы Машки, счастливые друзья, все время заделывавшие отпрысков плодовитым женам – достало все! Сбылись самые дурные предчувствия – его половина не способна зачать ребенка. Жившие душа в душу супруги стали ссориться. Да еще родители подливали масла в огонь: «Ты у нас один, надеяться больше не на кого!» Игорь и сам не знал, что делать. Машку он искренне любил, скучал, если долго ее не видел. Даже то, что они работали бок о бок, ничуть не раздражало. Но после чертового приговора докторов вдруг все изменилось.

«Милый, давай усыновим малыша! Вон их сколько, несчастных, обделенных! Ведь главное – любовь, правда?» –

говорила жена, с надеждой заглядывая ему в глаза.

«Считаешь, это выход? Чужой ребенок никогда не станет нашим, сколько его ни воспитывай! Я не готов на такой шаг! Прости!» – отвечал он, понимая одно – выхода нет.

«Я не собираюсь тебе мешать! Хочешь развестись, пожалуйста!» – восклицала Машка.

«А чего хочешь ты?» – вопрошал Игорь.

«Уже ничего!» – она отворачивалась к стене.

Или их реплики звучали как-то иначе, не все ли равно?

Утром они ехали как бы вместе, но на самом деле порознь. На обед он уходил первым, жевать при жене, усиленно прятывая взгляд, было выше его сил.

В тот вечер он долго бродил под окнами пятиэтажки, глядя на слабо светящееся окно. Машка любит читать перед сном, включив ночник. Он не решался подняться, но разгуливать под балконом, словно глупый Ромео, двойной идиотизм. В конце концов, она его жена.

Решившись, Середин вынул ключ и бросился в подъезд едва ли не бегом. Перепрыгивал через две ступени и запыхался, словно студент. Приоткрыв дверь, он ввинтился в коридор, осторожно разулся, вздрогнул, когда вспыхнул свет. Жена стояла возле выключателя в роскошной кружевной ночнушке, купленной Игорем на восьмое марта. Рубашка больше напоминала розовое облако, чем одеяние для сна. В глубоком вырезе просматривались полукружия грудей, взволнованно вздымавшихся.

– Я ждала тебя. Черт возьми, пусть хоть один вечер, да мой! – она шагнула навстречу.

Весь дрожа, он впился в горьковатые от слез уста, они целовались с исступленной жадой, словно любовники, встретившиеся после долгих лет разлуки. Игорь схватил жену на руки и, свалив со столика в прихожей какой-то флакон, ворвался в спальню, точно победитель в бастион врага. Все его существо жаждало покорять и удивлять. Тело Машки извивалось под ним ошалевшей змеей, ноготки яростно впились в обнаженную спину, причиняя сладкую боль. Скоро все кончилось бурным взрывом, эмоциональным и физическим. Супруги застыли в немой неподвижности, пока Игорь не почувствовал на лице влагу.

– Что такое? Почему моя мышка плачет? – он включил ночник.

– Мне показалось, между нами никогда больше не будет такого, – всхлипнула она.

– Какого?

– Ну, такого урагана...

– Глупенькая! Мы вместе, и нас никто и ничто не разлучит! – Середин говорил, целуя слезы с ее щек. Соленые капли казались ему небесной влагой.

– А твои родители? – она снова взглянула в лицо мужа вымученным взглядом, ставшим привычным за последнюю неделю.

– Забудь. Они – не твоя проблема, ясно?

– Нет, не ясно. Катерина Семеновна и Роман Петрович у тебя одни, других нет.

– Ты тоже одна.

– Жену поменять куда легче!

– Не для меня. Как выяснилось, я не могу заводить детей без любви!

– Значит, мы усыновим ребенка? – Маша приподнялась на локте. С такого ракурса лицо ее казалось юным, совсем детским.

– Не спеши, дай придти в себя! Нужно пережить этот кризис! Правда, мышонок? – Игорь протянул руку, взяв с тумбочки книжку сумочного формата. – Что ты тут читаешь без меня? Цветаева, твоя любимая поэтесса! Почему именно сейчас?

– Пыталась представить, как бы она поступила на моем месте!

– Представила?

– Не смогла. У нее был сын...

– Ну и Господь с ним! Вот поедем завтра на природу оторвемся, как следует! Все забудем и начнем жизнь сначала! Не грусти, Машка! – бодро воскликнул Середин.

– Постараюсь, – улыбнулась молодая женщина. – Слушай, как ты думаешь, шеф неспроста затеял этот корпоративный пикник?

– С чего ты взяла? – удивился Игорь.

– Мне так кажется. Наверняка грядут кадровые переставы.

НОВКИ.

– В смысле? Думаешь, чьи-то головы полетят? – насторожился муж, уверенный в прозорливости супруги.

– Ирка Соловьева намедни разглагольствовала, мол, Лада Вельчинова уходит с фирмы – уезжает в столицу. Место начальника отдела освободится. А претендентов двое: ты и Таня Зарова.

– Я-то думал, впрямь серьезное дело! Подумаешь, Ирка! Да она по всему «Соло» растрепала, будто мы разводимся! Не язык – жало змеиное! – высказался Середин.

– Не тот случай! – возразила Маша. – Я чувствую!

– Чувствительная ты моя! А больше ты ничего не чувствуешь? – Игорь перевернул жену, положив на свой живот.

– Чувствую!

– Что? – его голос превратился в дрожащий шепот.

– Тебя! – так же тихо ответила женщина.

Ночник в спальне Серединых снова погас.

3. 8 июня, 20.55. Лада Вельчинова

В то же время Лада Вельчинова, начальник отдела, разговаривала по мобильнику со своим московским женихом.

– Петь, кто из нас невеста на выданье, ты или я? – иронично спросила девушка. – Кто должен нервничать?

– Лада, а я – жених на выданье! И успокоюсь только тогда, когда увижу тебя на вокзале с чемоданом в руке...

– Петечка, у меня будет очень тяжелый чемодан, – усмехнулась Вельчинова.

– Не в нем дело... Честно говоря, я всю неделю сам не свой, не ем, не сплю...

– Ну, Петя! Поверь, и мне не легче! Мама слезы прячет, в глаза не смотрит, папа за сердце хватается. Дома обстановка, как в Париже во времена Великой Французской Революции, да еще шеф этот дурацкий пикник замутил в честь пятилетия фирмы! Хочет, чтобы я прощальный тост произнесла, так сказать, с коллективом попрощалась! Вот уж счастье привалило!

– Сочувствую!

– То-то же!

– Твой Кавярзин тот еще хмырь, гусак патлатый! – в досаде проговорил жених.

– Вообще-то, он лысый. Петь, не переживай, все устроится! Я тебе завтра позвоню, вечером, как только с природы

вернусь!

– Непременно, солнышко, буду ждать!

Нажав кнопку отбоя, Лада вздохнула. Она готова оставить родной дом и престарелых родителей и выйти замуж «в столицу». А любит ли она Петра? Чем ближе к отъезду, тем чаще Вельчинова задавала себе этот вопрос и все чаще игнорировала собственный ответ на него.

4. 8 июня, 21.50. Андрей Волохов

Андрей Волохов с наслаждением вытянулся на кровати одноместного номера в придорожном мотеле. Не «интурист», конечно, но для усталого дальнобойщика вполне сойдет, чисто, спокойно. Можно дальше ехать в ночь, выпучив глаза, пока не осатанеешь вконец. Но смысл? Себя насилловать? Сейчас вот позвонит невесте Оксанке, отрапортует, да и баиньки, а с рассветом – снова в путь-дорогу. Однако телефон любимой не отвечал.

– Черт, где ее носит? – ворчал парень. – Небось, опять у подружки засиделась, Соньки Корегиной, мелют языками, сплетни собирают!

Отужинав в буфете половиной цыпленка-гриль и запив бутылкой лимонада, Андрей повторил попытку. Безрезультатно.

– Это уже наглеж, рыбка моя золотая, – проговорил водитель, забыв, что крайний раз подруга звонила ему всего лишь пять часов назад, когда обедал в шашлычной на трассе.

«Где-то Сонькин номер тут был?» – Волохов листал записную книжку мобильного. – Вот он, родимый»

– Сонь, Ксюша не у тебя? – сдерживая раздражение, спросил Андрей.

– Н-е-ет! – протянула та и живо поинтересовалась. – А что случилось?

– Ничего, хотел сказать, пусть ждет завтра к вечеру.

– Ну и чудненько! Пока?

– погоди! Где Оксанка?

– Да не видела я ее сегодня, ничего не знаю! – проговорила девушка.

Голос звучал так, словно она оправдывалась.

– Не темни, Софка, не поверю! Ты ж ее лучшая подруга!

– Ой, да не ревнуй ты, все будет тип-топ! – ответила Соня с изрядной долей насмешки.

– Причем тут ревность! Я просто беспокоюсь! – парень начал терять терпение.

– Ай ей пять лет? Не пыхти, Андрюшок! Беспокоится он! Вы, мужики, только о себе тужите! – отрезала Оксанкина подруга и отсоединилась.

«Пи-пи-пи,» – звучали ехидные гудки.

«Блин, идиотка,» – проворчал парень. – «Поди, очередной хахаль бросил! Кто станет этакую стервозу терпеть! Наверняка, завидует Оксанке, у нее-то личная жизнь в порядке!»

Несмотря на самоуверения, легче не становилось. Трудно сказать, что больше терзало влюбленного: тревога или подозрения. Пожалуй, и то и другое – в свете некоторых неблагоприятных обстоятельств, открывшихся накануне. Выкурив две сигареты подряд, Андрей снова схватился за мобильник. Не услышав родного голоса: «Да, Андрюшенька!», дальнотбойщик вконец расстроился и лег спать. Долго ворочался, пока усталый организм не сморило сном.

Привиделось поле с мокрой и грязной травой, по которому почему-то бродили белые чайки в синих больничных чунях на мохнатых ногах. Вдалеке тянулась за горизонт полоска леса, серо-голубая от дорожной пыли и еле виднелся силуэт уазика, увязшего всеми четырьмя колесами в трясине.

«Какая холера его туда занесла?» – подумал водитель на границе сна и яви.

5. 8 июня, 22.00. Лев и Лилия Панины

Лилия Петровна Панина, супруга водителя «Икаруса» и совладелица частного транспортного предприятия, собирала мужу нехитрую поклажу: полотенце, плавки, воду.

– Пожалуй, я с тобой поеду, – проговорила женщина.

– Не знаю, Лилёк, у них ведь корпоратив на природе!

Лишние свидетели ни к чему!

– Да и чёрт с ними! Там монастырь недалеко, сходим, к источнику, искупаемся!

– Что-то раньше тебя не тянуло в святые места! – заметил муж.

– Лучше поздно, чем никогда! – жена поставила на стул пакет с ручками и отвернулась.

– Ты о чём? – насторожился Лев Егорович Панин.

– О душе. Лет-то, слава Богу, немало, не ровен час, погрёшь без покаяния...

Мужчина скривился, словно от касторки:

– Чё мелешь-то! Разве можно буровить такое перед дорогой! Каркуша!

– Ой, да ладно, я же просто так, без задней мысли!

– У тебя, Лилёк, все мысли задние! Хоть бы одна передняя за последние двадцать лет проскочила, – хохотнул супруг.

– На себя посмотри, суеверный ты мой! Не дрейфь, Лёвушка, я с тобой! Пойду, купальник найду! А то с этой адской работой за все лето на природу не выберешься!

– Ничего не попишешь, детям помочь нужно, в недобрый час они в ипотеку вступили, не желают, видите ли, со стариками жить! – ворчал водитель автобуса.

– Ничего, муженек, сдюжим с Божьей помощью! – отозвалась жена уже из комнаты. – Сашка с Вовкой и Анжелой на дачу собираются, чай, мать с собой не звали, не сидеть же мне одной дома, как старой сове!

Речь шла о семье сына.

– Они друзей пригласили, – продолжала женщина, – у них девочка, ровесница Вовика, пусть учится общаться со сверстниками, а то растёт бука букой!

– Да уж! Все чахнет за своим чертовым компом, на зомби похож, худой да бледный! Я в его годы с улицы не вылезал, то в футбол, то в догонялки, то в клёк...

– Никогда не понимала, в чем эта ваша тупая игра заключается, – Лилия Петровна сунула сверток с купальником в пакет.

– То чисто пацанская игра, не для девчонок! – гордо произнес Лев Егорович. – Меня никто из дворовых ребят не мог переплюнуть!

– Вспомнил детство золотое! Чемпион мой престарелый! – она ласково погладила мужа по лысине, тот поймал ее руку и поднес к губам:

– Мать, мне с тобой и впрямь веселее будет!

– Давно бы так, а то всё кочевряжишься!

Довольные друг другом, Панины отправились в спальню и, отвернувшись в разные стороны, вскоре сонно засопели. Ветер колыхал занавесь на раскрытом окне, создавая видимость прохлады. Начало лета выдалось на редкость знойным и жарким, эта поездка – приятное и полезное в одном флаконе, подумала Лилия Петровна – не забыть бы утром пластиковые бутылки для святой воды...

6. 9 июня, 6.00. Андрей Волохов

Андрей Волохов, едва пробудившись, схватился за телефон. Вдруг, когда он вырубился, Оксанка все-таки звонила... Сама ведь говорила, не уснет спокойно, пока голос его не услышит. В рейсе все-таки, мало ли что. Вон, фуры летят, словно шашки, сброшенные с доски немилосердным щелчком. На обгон идут груженные, рискуют ребята, боятся график нарушить, а то хозяева-упыри все нороят неустойку содрать. Вся трасса усыпана – чего только нет. Перец, баклажаны, арбузы... Как в райских куцах. Но в аду из покореженных машин.

А то легковушек, как тараканов, давят своими ездучими монстрами. Не приведи, Господи!

Впрочем, байки о призраке девицы-мстительницы ничем не лучше. Мол, однажды злой дальнобойщик изнасиловал бедняжку, которую взялся подвезти. И подвёз, да так подвёз, что она, вернувшись домой, от великого отчаяния вздернулась. А теперь разгуливает на своем участке дороги в темноте, голосует, прикидываясь обычной герлой. Того, к кому она в кабину влезет, наутродохлым находят. Андрей поежился. Взбрeдeт же в башку всякая чушь!

Пожалуй, звонить рановато, спит еще, маленькая неженка, это ему – человеку служивому, пора в путь-дорогу. Опять же, чем раньше тронется, тем быстрее увидит нена-

глядную. При хорошем раскладе часам к десяти вечера доберется. Ну а при плохом... Ночью уже.

Оксанка не звонила. Парень разочарованно вздохнул – куда не произошло. Эта девчонка крутит им, как хочет, все друзья говорят. Завидуют, она красотка, лучше всякой кинозвезды.

Андрей вспомнил, как они познакомились – летом у музыкального фонтана, там вечно молодежь тусуется. В сполохах разноцветного электричества увидел он компанию не очень-то веселую. Два парня, две девушки. Из образованных, не ему чета, по виду студенты. А спор какой-то дурацкий затеяли – его твердое убеждение, с девчонками о таком не говорят.

– Ваши резоны, крошки, вполне понятны, спите и видите, как замуж выскочить! – заявил высокий блондинистый хлюст с серьгой-колечком в одном ухе.

– Неужели? – с сарказмом поинтересовалась Она, Богиня, необычайная, стильная, стройная, с сексуальной родинкой над верхней губой. Волосы струями по плечам, такие мягкие блестящие, словно тончайшие шелковые нити, так и манят погрузить в этот шелк алчно разверстую пятерню. Высокие каблукы, а ноги – просто умопомрачительные.

Но дело не только во внешности, глаза ее подернулись пеленой столь испепеляющего презрения, что Андрей поежился. Не приведи, Господи, оказаться под таким взглядом, словно под холодным дождем. Не то, чтобы ему нравилась подобная

мимика, просто ее лицо выглядело донельзя живым, эмоциональным, изменчивым, словно погода в марте. В нем не было ни капли противной кукольности, присущей некоторым девчачьим рожицам, и в то же время имелась чрезвычайная правильность и утонченность черт.

– Думаешь, я мечтаю затащить тебя в ЗАГС? – гневно осведомилась незнакомка.

– А разве нет? – гадко усмехнулся пижон. – Год вместе, а я никак не ведусь. Облом! Не потому ли ты, малыш, такая злая! Или не с той ноги сегодня встала?

– Пошел к черту!

Девушка резко развернулась и пошла прочь.

– Ксюха, ты чего?

Её подружка, всклокоченная «перьями», словно шальной воробей, подалась следом, но блондин удержал:

– Брось, Софка, пусть идет, задолбала своими капризами!

Другой юноша, спортивный мускулистый брюнет, схватил подружку за руку:

– Не вмешивайся, зайка, сами разберутся!

Волохов, бросив друзьям: «Ребят, потом созвонимся! Пока!», поспешил за незнакомкой. Пришлось включить скорость: злобно стуча каблуками, девица передвигалась быстро, почти бегом. Догнав ее, Андрей подойти не решился, а продолжал топтать след в след. Сколь ни была удручена тогда Ксюха, но быстро засекала преследователя и остановилась.

Тысяча зарниц полыхнуло с ее лица, когда она повернулась: свет аквамариновых очей на мгновение ослепил парня.

– И чего ты за мной тащишься?

– Я... ничего, – замямлил дальнобойщик, абсолютно дезорганизованный.

– Раз ничего, то отвали, ферштейн?

– Я... это... того...

– Ясно. Может, скорую вызвать? – усмехнулась девушка.

Поскольку ее вопрос прозвучал более или менее по-человечески, Волохов несколько овладел даром речи, но ляпнул такое, что сам обалдел:

– Девушка, выходите за меня замуж!

– Что-о-о? Замуж? Совсем куку? – Оксана постучала пальцем по виску и вдруг зашлась смехом, хохотала до слез, до колик, согнулась пополам и едва не свалилась с каблуков.

Андрей неловко поддержал ее, на мгновение прижал к своему телу, стало жарко, страшно и хорошо. Так он впервые в жизни серьезно влюбился.

Не то чтобы раньше ему совсем никто не нравился, но такого никогда не было. Друзья предостерегали: «На интеллигенцию потянуло, братишка? Смотри, с этими образованными ухо остро надо держать!» Но их подколки только подстегивали.

Вдруг Волохов ощутил непобедимое стремление хоть как-то ей соответствовать. Не заключается же вся жизнь в пиве и футболе! Он пересмотрел коллекцию советских класси-

ческих фильмов, записал множество крылатых фраз, накопил книг со стихами и прозой – великих и не очень. Дурацкие спектакли и выставки, куда таскала его Оксанка, начинали нравиться. Ведь он неглупый парень, недаром с первого по третий класс хорошистом был!

Плотно позавтракав двумя сосисками в тесте и томатным соком, Андрей привычно взлетел в кабину и вырулил на трассу.

Тренируя память, принялся громко читать:

Вся радость в прошлом, таком далеком и безвозратном,
А в настоящем – благополучье и безнадежность.
Устало сердце и смутно жаждет, в огне закатном,
Любви и страсти; – его пленяет неосторожность.
Устало сердце от узких рамок благополучья,
Оно в унынье, оно в оковах, оно в томленьи,
Отчаясь грезить, отчаясь верить, в немом безлучье,
Оно трепещет такую скорбью, всё в гипсе лени...¹

Трасса убежала вперед серой лентой, петляла среди российских красот, разделенная двойной полосой разметки... Андрей определил время следующего останова: два часа дня, тогда и позвонит Оксанке. Не раньше! Мужик он или нет?!

¹ Игорь Северянин «В грехе – забвеньи.»

7. 9 июня, 7.50. Фирма «Соло»

Красный блестящий «Икарус» стоял возле крыльца здания-исполина, где фирма «Соло» занимает две секции пятого этажа.

Сотрудники собрались с завидной пунктуальностью – слишком действенным оказался стимул. Ждали только самого Кавярзина. Но он – особая статья.

Из кодекса клерка:

Пункт четвертый: «Шеф не опаздывает, шеф задерживается – важные дела».

– Ну как, подружка, легко проснулась? – спросила Таня Зарова Лену Зимину.

– Не очень-то! – та сладко зевнула. – Все одно вставать в семь! Предки, как на дачу едут, всегда раным-рано вскакивают. Что, блин, за жизнь подлая, никогда в субботу не выспаться толком. Да еще с мамашей побрехала, попрекнула, мол, помощи от меня никакой. Я возьми и ляпни: «Зато, когда денежки даю, есть польза?» Ну, она и накуксилась: «Это твой долг – родителям помогать!» «Тогда не мешайте исполнять этот почетный долг – не я пятилетие фирмы придумала!» – говорю, и дверью хлоп! Тяжело с родаками, одни претензии. Тебе легче, квартира своя, сама себе хозяйка. Кстати, как Витек, приходил?

– Был. Пожрал, перепихнулись и смылся. Говорит, мама прихворнула, сердце, якобы волновать нельзя, бедняжку, – Таня в сердцах махнула рукой.

– Врет, сволочь! Ничего, Зара, сейчас на природе-матушке стресс винищем зальем, и все будет хоккеей! – Ленка оптимистично потерла руки.

– Ну что, девчонки, как настрой? – к ним подошел Ванюша Ленин.

– Боевой! Вот еще один страдалец! – Ленка хлопнула парня по плечу. – Как там, женишок тебя на тряпки не порвал?

– А! Не напоминайте! Всех чертей собрал на мою бедную голову!

– Друг называется!

– Простил потом, но уж очень сокрушался! – Ванюша покачал головой. – Ничего не поделаешь!

– Ванька, – к ним подскочила вездесущая Ирка Соловьева. – Надо помочь экспедиторше!

– О`кей!

Мужчины принялись грузить в транспортный отсек сумки с продуктами, ящики со спиртным, упаковки с водой и соками, складные столы и сборные лавки. Туда же последовали бадминтон, мячи, надувные матрасы и несколько сборных стоек с тентами.

Погрузочные работы почти завершились, когда нарисовался Кавярзин, но не один, а с неким невзрачным господином лет тридцати пяти от роду. Невзирая на жару, тот напя-

лил серый летний пиджак поверх кремовой рубашки-поло и белоснежные брюки со стрелками. На шарообразной голове его гордо красовалась белая бейсболка с эмблемой NIKE.

– Это еще кто? – шепнула Лена на ухо Заровой, та пожала плечами.

– Так, все в сборе? – крикнула Ирка Соловьева. – Проверю по спискам! Аверьянов!

– Я!

– Бледный!

– Я!

– Выслуживается, сучка такая! – прошипела Ленка вполголоса.

– А ты как хочешь, почетное звание сарафанного радио во плоти еще заслужить надо! – процедил Ленин, отирая тыльной стороной ладони пот со лба.

– Если ни на что другое не годна, то, конечно! – ядовито отозвалась Зимина.

Таня примирительно улыбнулась:

– Ладно тебе, Ленк, надо же кому-то взять на себя организационные вопросы...

– ... и доносы! – перебил ее Ванюша.

– Зарова!

– Здесь! – Таня вскинула руку.

– Зимина!

– Есть, товарищ командир! – покривлялась Ленка, Соловьева скорчила рожицу.

Переключка продолжалась несколько томительных минут.

...

– Щурова!

– Я!

– Яморов!

– Туточки!

Наконец, все погрузились в автобус. Лена и Таня оказались в самом хвосте ровно по центру. Впереди них в одном ряду сидели супруги Середины, в другом, за креслами Кавярзина и неизвестного Ванюша и программист – высокий крепкий парняга Витя Яморов.

Дальше сотрудники располагались попарно. На креслах, расположенных сразу за кабиной разместились Лилия Петровна с экспедиторшей, напротив них две женщины-повара, нанятые специально для готовки и сервировки.

Лев Егорович закрыл дверь «Икаруса».

– А давайте нашу, корпоративную! – крикнула Ирка.

– Запевай! – махнул рукой Кавярзин.

Одинокая ветка сирени
У тебя на столе стояла.
Помню день твоего рождения
Мы с тобою вдвоем встречали.
Плыл по городу запах сирени,
До чего ж ты была красива,
Я твои целовал колени
И судьбе говорил «спасибо»!

Одинокая ветка сирени
Сколько лет пронеслось, но все же
Вспоминаю я день весенний,
Тот, который мне всех дороже.
Плыл по городу запах сирени,
До чего ж ты была красива,
Я твои целовал колени
И судьбе говорил «спасибо»!

То была любимая песня шефа.
Из кодекса клерка:

Пункт пятый: " Шеф не любит подхалимов – Шеф
жалует лояльных работников.»

8. 9июня, 8.30. Андрей Волохов

Андрей Волохов пару раз останавливался – жара замучила. В такие, не очень далекие рейсы начгар отправлял поодиночке. На дальняк обычно ездили вдвоем. С напарником потрендишь – все отвлечёшься. А так, только в себе кваситься и остаётся. Воспоминания крутились вокруг капризной возлюбленной...

Оксанка – девушка утончённая, как его не послала тогда подальше, одному Богу известно. Разрешила проводить. Видно, этот пижон достал совсем. У своего подъезда проговорила:

- Ну, пока...
- А завтра? – глупо спросил Волохов.
- У меня универ. А ты, как хочешь!
- Давай вечером встретимся. В кино ходим.
- Думаешь, есть смысл?
- Конечно. Моё предложение в силе.
- Ладно, – улыбнулась с иронией. – Встретишь меня после занятий?
- Во сколько?
- В семь, после третьей пары во вторую смену... Не сможешь, не парься. Жду ровно пять минут, ни секундой больше!
- Приду обязательно!

Опоздать немислимо – считай, всё закончилось, не успев начаться.

Ровно в семь Андрей неловко топтался у входа в университет с букетом белых роз.

Она вышла вместе с Софкой и обоими парнями. Девушки простились, церемонно приложившись щёчкой к щёчке. Блондин последовал за Оксаной, схватил за руку почти перед носом Волохова.

– Ну что, детка, может, в кафешку рванём? Угощаю! – с видом ходячего великодушия осведомился несносный пиджон.

– Вообще-то, меня ждут! – Она улыбнулась Андрею. – Привет!

– Привет! – проговорил парень, сознавая ответственность момента.

От того, как он сейчас себя покажет, зависят их дальнейшие отношения.

– Фи, Ксюха, тебе изменил эстетический вкус, – скривил физиономию блондин. – Это что?

– Вообще-то, белые розы! – отвечивал Волохов, протягивая букет.

Девушка засмеялась, запрокинув голову – она оценила находчивость кавалера.

– Я про тебя, чмо!

– Верно, я – Человек Могучего Обаяния! – он согнул руку бубликом. – Идемте, мисс, машина подана!

Не иначе, лукавый дернул его приехать на свидание на своей мощной «Скании». А вообще-то, он едва успел и прикатил прямо с рейса, благо, короткого – мотался в соседний областной центр за крупной партией молочных продуктов для сети супермаркетов.

Оксанка, кивнув изящной головкой, ухватила его под руку.

– Идем! Пока, рыбак!

Увидев фуру, она рассмеялась:

– Вот так ласточка! Очаровательно! Как я сюда влезу? – она опустила глаза вниз, на свою короткую юбочку.

– Я помогу!

Подняв Оксанку за талию, он легко поставил ее на ступень и продолжал поддерживать до тех пор, пока она не оказалась в кабине.

Со своего места Андрей увидел блондина и отметил выражение его лица – студент смотрел с выражением оскорбленного достоинства. Насколько он знал таких людей, хлюст с серьгой обижен, словно ребенок, у которого отобрали игрушку. Надолго затаит злобу, но Волохов не боялся: уж такого-то он зашибёт одной левой.

– Почему ты назвала его рыбаком?

– Фамилия такая.

– А как звать касатика?

– Денис. Тебе зачем?

– Надо же знать имя бывшего своей девушки!

– О как! – она покачала головой и промолвила: – Пожалуй, этот раунд ты выиграл... – А я и не играл! Всё очень серьёзно...

Они взгляделись друг в друга. Изучает, понял Андрей. Внешне он не отличался особой красотой, но была в его лице так называемая Божья искра. К тому же, его небольшие, но выразительные глаза умели сексуально щуриться – девочкам нравилось. В тот момент, глядя в ее потрясающие голубые очи, Волохов не растерялся, вложив во взор максимум свежего, ничем не замутненного чувства. Но пробить Оксанкину оборону не так-то просто, она помотала головой, будто стараясь отогнать наваждение. Интеллигентная девушка и дальнбойщик – нонсенс! Однако Волохов не собирался сдаваться.

Всю неделю, пока ездил в ближние рейсы, он встречал Оксану с букетами, мягкими игрушками и книгами. Что она читала, он не знал, но действовал по наитию. Лирика Цветаевой, Ахматовой, сборник японских хокку, рубаи Хайяма – консультации милой улыбчивой продавщицы из книжного магазина сослужили добрую службу.

Потуги Андрея наблюдал Денис Рыбак, и вскоре его скептические ухмылки сменились гримасами раздражения, которые дальнбойщик воспринимал, как признаки явного триумфа. Следующие события показали, насколько легкомысленно недооценивать соперника...

...жара какая – очуметь можно. Андрей вытер лицо плат-

ком, продолжая рулить. Тяжелогруженная Скания легко преодолевала пространство, объезжая тихоходов: трактора, старые ЗИЛы, проржавленные москвичонки и прочие низкоскоростные объекты. Своих собратьев, дальнобойщиков Волхов обгонял лишь в случае необходимости и осмотрительно. Он никогда не лихачил, считая это непростительным мальчишеством. Трасса шутников не любит.

А жизнь чарует и соблазняет, и переменной,
Всего уклада семейных будней влечёт куда-то!
В смущенье сердце: оно боится своей изменой
Благополучье своё нарушить в часы заката.
Ему подвластны и верность другу, и материнство,
Оно боится оставить близких, как жалких сирот...
Но одиноко его биенье, и нет единства...
А жизнь проходит, и склеп холодный, быть может,
вырыт...²

² Игорь Северянин «В грехе – забвенье.»

9. 9 июня, 9.30. Пляж

Всё преимущество принудительного отдыха заключается в том, что его организация ложится на чужие плечи. Экспедиторша лишь попросила помощи при выгрузке вещей и расстановке столов, стульев и тентов. Но то забота не женская, а мужская. Мальчики фирмы «Соло» помогали с вящим энтузиазмом. Во-первых, девушка со стороны по определению вызывает интерес, а во-вторых, она симпатичная!

– Во, мальчики наши стараются! – проговорила Ленка Зимица. – Танюх, пойдем, покурим!

– Пошли!

В зарослях у речки так душевно посмолить двум одиноким красоткам! Таня с наслаждением затянулась:

– Ленка, что там я! Мне уже всё пофиг, вот тебя надо пристроить! Ты у нас девушка молодая, но с достаточным опытом – самое время!

– Таньк, да ладно тебе! Нет у меня никого за сто километров поблизости...

– Сколько лет тебе, подружка?

– Ну, 27, и что?

– А то! До тридцатника надо замуж выйти, или вкус потеряешь! Чем тебе Ванюшка не пара?

– С ума сошла! Он моложе!

– Намного? – Таня усмехнулась.

– На целых два года!

– Ха-ха-ха! – раздельно проговорила Зарова. – Всего-то!

– Знаешь, Танюх, твой пример перед глазами! Чтобы передо мной какой-то хрен с горы выделялся, мол, старуха, и всё прочее... Ой, подружка, извини!

– Да чего уж на правду обижаться! – Таня махнула рукой. – Только мой Витёк и Ванюша – разного поля ягода. Полагаю, Ленин к тебе неровно дышит!

– С чего ты взяла? – Ленкины брови подскочили на лоб.

– Чай, не вчера родилась, кое-что понимаю. Вон как на тебя смотрит! Неужели, не замечала?

– Даже если так! Зачем мне мальчишка? Надо искать мужика посолиднее – с положением, с деньгами, а у Ванюши папахен на ладан дышит, мамаша пенсионерка. Мало мне своих родаков, нервы мотать! Скажи, что пошутила, подружка!

– Ах, вон, в чем дело. Меркантильные интересы. Ладно, как знаешь!

Таня бросила бычок на землю и придавила ногой.

– Идем, да?

Поварихи, тоже молодые и шустрые, раскладывали по пластиковым тарелкам заранее приготовленную нарезку, расставляли приборы и раскладывали по вазам фрукты. Пряный аромат съестного дразнил сотрудников, в большинстве своем не успевших позавтракать.

– Девки! – подскочила Ирка Соловьёва. – Прикиньте, Се-

редины помирились!

– Серьёзно? – иронично спросила Таня.

– Ах, какая невидаль! Супруги помирились! – в тон ей молвила Лена.

– Да вы не то – не понимаете? Вчера на грани развода были, а сегодня, вон в кустах тискаются! – Соловьёва показала направление. – Не верите, можете сами посмотреть!

– Ирка, ты маньяк! – Зарова покачала головой.

– Иди уже, отдыхай! – Зимина со смехом шлепнула офис-менеджера по плечу.

Маша Середина, со смехом вырвавшись из объятий любимого мужа, сбросила сарафанчик и стала осторожно спускаться к воде. После вчерашней потрясающей ночи, ей хотелось отдыхать, веселиться и не думать о том, что через день наступит понедельник, а вместе с ним вернутся и проблемы.

Есть народная мудрость: чем задача отличается от проблемы? Задача – это когда надо попасть в цель, а проблема – когда целятся в тебя.

То, что угнетало и лихорадило их семью в последнее время, никуда не делось, все осталось на том же уровне: родители Игоря ждут от него решительных действий, а он решил всё пустить на самотёк. Ей, Маше, ничего не остаётся, как смириться с любым его решением. Однако, если муж не станет ничего предпринимать, она долго так не выдержит. У неё нервы не железные.

Бог мой, только не сегодня! Я подумаю об этом завтра!

Кажется, так говорила замечательная вертихвостка Скарлет О`Хара, которой так умиляются все домохозяйки страны. В смысле, героиня первой книги Маргарет Митчелл. Продолжение, писанное другим автором, казалось Маше высосанным из пальца и совершенно безосновательно сделавшим из взбалмошной девицы народную героиню.

Она вошла в воду, с наслаждением окунулась:

– Игорёк, иди сюда! Водичка – прелесть!

Середин скинул джинсы и футболку, быстро поплыл за женой, руки его работали мощно, как мельницы. Хотел поднырнуть под Машу, чтобы вытолкнуть ее наверх, и ушел под воду. Открыв глаза, парень увидел не речную слегка замутнённую прозрачность, но алую размытую пелену. Слово кровь, смешанную с потом один к одному. На губах возник металлический привкус – ниоткуда, просто так. Не успев ничего понять, Игорь пулей вылетел на поверхность. Тяжело и прерывисто дыша, повернул назад.

– Что такое? – крикнула встревоженная Машка.

– Ничего, просто купаться расхотелось.

Выплыв на берег, Игорь сел на песок. Никак не мог прийти в себя, настолько реальным было видение. К чему бы? Уж чем-чем, а неврастением он никогда не страдал. Неужели это из-за матушкиных нотаций, молчаливой трагедии в глазах Машки и тирании Кавярзина? Да, слаб ты стал, парниша! Совсем крыша съезжает, тихо шифером шурша!

– Как думаешь, кого шеф притащил? – жена присела ря-

дышком.

– Бог его знает! Мне всё равно! – Игорь глубоко вздохнул, все еще во власти своего наваждения. – Пусть хоть двоюродного тестя старшей сестры мужа третьей жены.

– Ты в порядке? – Машкины глаза наполнились тревогой.

– В полном! – Середин обнял жену, накрыл ее уста страстным поцелуем.

Стало легче. Надолго ли?

10. 9 июня, 9.40. Лев и Лилия Панины

Супруги Панины расстелили покрывало на песке небольшого уединенного пляжа. Лилия Петровна достала из корзинки нехитрую снедь: картошку в мундире, сочный зеленый лук, вареные яйца, куриные ножки, фаршированные грибами, бутылку минералки. Лев Егорович довольно потер руки: всё по-домашнему вкусно! С такой супругой нигде не пропадешь!

– Лилёк, нас ведь обещали покормить, можно было и не брать все это!

– Тю! Пока их шашлыка дождётся, с голоду помрешь! Специально ведь не ели дома, чтобы на свежем воздухе позавтракать! И потом, не забывай, нам надо к источнику, пока туда-сюда ходим, аппетит нагуляем, как раз к корпоративному обеду!

– Ну вот скажи, для чего нам туда добрый час пёхать!

– А что целый день делать-то?

– Отдыхать, загорать, купаться!

– Всё успеем, Лёвушка! Святой водицы испить душа просит!

– Ты говоришь, как столетняя старуха!

– Ничего не понимаешь, дорогой! Покаяться никогда

не поздно и, тем более, не рано!

– На тебе нет никаких грехов, дорогая моя! Кому надо, тот и не думает отпущения просить! – Лев Егорович неопределенно кивнул в сторону кустов, за которыми царило интенсивное движение.

– Пусть себе! Это их дело, а мне мой грех известен! – лицо женщины омрачилось, словно день, напуганный наступлением сумерек. – Лилёк, опять ты за своё! Сколько можно вбивать себе в голову несуществующую вину перед покойной тещенькой!

– Мама мучилась, Лёва, сильно мучилась, а я считала – она преувеличивает свои болячки, чтобы привлечь к себе внимание! – женщина помотала головой, словно отрицая некий общеизвестный факт. – Я ей не верила, своей матери! Все твердила: «Неужели, нельзя потерпеть!» Она только качала головой: «Чужую беду руками разведу!»

– Я тогда денно и ночью вкалывал, а на тебе были дом, работа да двое маленьких детей – если помнишь, тогда мы сестрино сына в семью взяли, который сиротой остался! Кто же тогда знал, что этот поганец станет картежником, продаст за долги квартиру покойных родителей, а потом еще и у нас часть жилплощади по суду оттяпает! То бы мы сейчас сами ту пятикомнатную на две разменяли, да не надо было бы сыну в ипотеку вляпываться! – с досадой молвил Лев Егорович.

– Ладно, муж, к чему прошлое ворошить! Неужто бы мы племяша малолетнего тогда бросили! – воскликнула Лилия

Петровна. – А маме я должна была верить! Должна, и всё тут!

– А я до сих пор считаю, тёща свои страдания преувеличивала! Вспомни, на что она жаловалась?

– На суставы, – глаза женщины наполнились слезами, напоминая омытые дождём вишни.

– Правильно! А умерла от чего?

– Оторвался тромб! Но это ни о чем не говорит! Лёва, не рви мне душу!

– Сама начинаешь, «грех, грех»! Давай оставим этот разговор, Лилия батьковна, пока аппетит окончательно не испортился!

– Ладно, перекусим, искупаемся, и двинем к источнику!

– Как скажешь, милая!

Лилия Петровна вздохнула. Если бы все так просто: запретил себе вспоминать, и на том успокоился! Совесть рано или поздно даст о себе знать, на то она и совесть!

11. 9 июня, 10.05. Фирма «Соло»

Столы сплошь покрылись легкими закусками: тарелками с овощами и фруктами, сырокопчёной колбасой и соленой красной рыбой. Вдоволь привезли целиковых помидоров, листьев салата и пряных трав. Но то для шашлыка, который подспеет не так скоро – после того, как все накупаются и аппетит нагуляют на свежем воздухе.

А сейчас разминка перед основным застольем.

Все расселись по лавкам, как на деревенской свадьбе, и, будто ожидая разрешения выпить и закусить, призывно смотрели на шефа, уместившегося во главе стола на пластмассовом стуле.

– Коллеги, прошу тишины! – поднялась вездесущая Соловьева, спонтанно решившая «расчистить поляну» для дражайшего шефа. К слову сказать, она по совместительству временно выполняла работу секретарши, которая наемни ушла в декрет. Ирка ожидала, когда ее введут в должность по приказу, возмечтав скакнуть с данного трамплина в кадровики взамен Ираиды Арнольдовны, чей возраст вплотную приблизился к пенсионному.

Понятно, ей прямой резон учинить полноценный подхалимаж перед боссом.

– Не секрет, зачем мы собрались в этом прекрасном, благодатном месте: отметить очень важную дату – пятилетие на-

шей фирмы! Виктор Александрович, просим! – звонко выкрикнула девушка и забила в ладоши, словно благодарный зритель под занавес спектакля.

Её поддержали дружно, но нестройно.

Кавярзин не без труда поднялся с пластиковой рюмкой в пухлой руке, приосанился, словно петух при виде квочки:

– Коллеги! Хочу поблагодарить всех вас за труды праведные! Благодаря общим усилиям, «Соло» процветает и будет процветать...

– Аминь, – шепнул Ванюша на ухо Ленке Зиминой – та коротко хихикнула в кулачок.

– ...пусть успехи наши приумножатся, а неудачи растают, как полночный дым! – Кавярзин жестом завязатого выпивохи опрокинул рюмашку в жадно открытые уста.

Из кодекса клерка:

Пункт шестой: «Шеф не пьет – Шеф дегустирует».

Сотрудники снова похлопали и, повторив широкий жест своего босса, принялись интенсивно жевать. Какое-то время над столом висела тишина, не нарушаемая даже звяканьем посуды, выполненной из пластика. Вот уж право, достижение прогресса – беззвучная трапеза.

– Как банально! Уж не мог приличный тост из Сети скачать! – Ленин снова обратился к девушке, едва ощутимо пощекотав губами ее ухо.

– Уж лучше своими словами – нет ничего хуже, чем шеф, цитирующий тост по бумажке, – возразила Зимина.

– По мне, пускай бы сразу миновали официальную часть, – не унимался Ванюша.

– Между первой и второй промежуток небольшой! – словно завзятый тамада, выкрикнула Ирка. – Наполним рюмки, друзья! Кому есть, что сказать, не молчите!

Еле заметным кивком Кавярзин подбодрил брюнетку, сидевшую по правую руку – Ладу Вельчинову.

В этой высокой, смуглой, гибкой, как лоза, молодой женщине стержность органично сочеталась с острым умом, тонким юмором и выдающимся профессионализмом. Коллеги её уважали за умение блестяще разбираться в самых сложных и запутанных ситуациях. Лада не искала виноватых – она их попросту видела. Запудрить ей мозги не представлялось возможным. Но и разруливать любой сложный конфликт красавица-брюнетка умела на раз. С Ладой советовались, её авторитет признавали непререкаемым, а меткие и остроумные фразы цитировали. С таким-то умом можно смело баллотироваться в депутаты, хотя не факт, что именно это качество является пропуском в ряды народных избранников. Тем не менее, девушка решила продолжить работу в столице...

За столом воцарилась напряженная тишина – все уже знали, о чем пойдет речь.

– Дорогие коллеги! – голос Лады едва ощутимо дрогнул. – Уж не знаю, грустная или веселая та новость, которую я хочу поделиться с вами. Пять лет работы в нашей фирме из жизни

не вычеркнуть, да и не собираюсь! Наоборот, здесь я приобрела бесценный опыт, получила знания и профессиональную закалку. Теперь хочу продолжить карьеру в столице. Конечно, переживаю – там наверняка и нравы пожестче, и конкуренция посерьезнее. Вы для меня стали не просто сотрудниками, а хорошей доброй семьёй! Потому не могу без грусти расставаться с «Соло»! Как в песне поется «Наша жизнь – бесконечное соло, ошибся, но играй!» За вас, дорогие мои! Чтобы вы продолжали играть долго и успешно! Но уже без меня! Простите...

Вельчинова села на место и взяла салфетку, которую приложила к глазам.

– Черт! До чего душевно! – проговорила Ленка на ухо Тане.

– Я даже прослезилась, – всхлипнула та. – Жаль Ладку, она девка правильная.

– С чего бы жаль – не померла же! Наоборот, будет вся в шоколаде! – заявила Ленка.

– Интересно, кого шеф на ее место метит? – проговорил Ванюша Ленин.

– Явно не тебя, – хмыкнула Зимина.

– У меня нехорошие подозрения, – Зарова переместила взор на незнакомца, сидевшего по левую руку от Кавярзина.

– Во засада! Что-то мне этот перец не по вкусу, – парень скорчил лицо. – Чую, малость гниловат...

– По внешности не судят, – возразила Таня. – Может, он

лапочка!

– Зара, ты жуть, какая гуманная! Неужели по роже не видно? Вон как из-под бейсболки зыркает, словно фотографирует! – Ленка смачно отправила в рот кусок сырокопченой колбаски.

– Ну, Лада, расстроила ты нас! – проговорила с места Ирка Соловьёва.

– Мне тоже как-то по себе! – призналась Вельчинова.

– Ничего, привыкнешь, не на пустое место идешь! – проговорил Кавярзин, уже слегка размякший от жары и алкоголя.

– Мы чего-то не знаем? – оживилась Ирка.

– Наверное, пора раскрыть карты: жених у меня в Москве, мы с ним во время моей командировки три года назад познакомилась. А теперь я получила официальное предложение руки и сердца и одновременно места в фирме «Клементина» – если помните, это наш партнер!

– О, везет же! Любовь и работа в одном флаконе! Так за это надо по стопочке! – оживилась Соловьёва и вскочила с места. – Рады мы за тебя, Ладочка, будь счастлива! За молодых!

– Спасибо, друзья! – растрогалась Вельчинова.

– Деток планируете? – поинтересовалась Ираида Арнольдовна, кадровичка.

– Может, через пару лет, надо сначала в фирме закрепить-ся! – ответила брюнетка.

– Ну, за этим дело не станет! У тебя же голова золотая! – подбодрила ее Таня.

– Танюш, не преувеличивай! – смуглое лицо Лады слегка порозовело.

– А ты не скромничай! – заявила Ленка. – Что есть, то есть!

– Спасибо, девчонки, век не забуду! – улыбнулась Вельчинова.

Некоторое время все переваривали еду и новость, негромко переговариваясь между собой.

– Коллеги, внимание! Тишина за столом! – Кавярзин, которому уже не требовалось предоставление слова, мешковато покачнулся с рюмкой в руке. – В связи с уходом нашей любимой и уважаемой Ладочки, освобонилось место начальника отдела. Я долго думал, кого поставить на её место. Наконец, принял непопулярное решение – взять человека со стороны. Знакомьтесь, Дмитрий Алексеевич Захаров! Он вернулся в наш город из Казани, где работал начальником отдела в весьма солидном филиале московской фирмы «Клементина», той самой, куда уходит наша Лада. Увидев в этом добрый знак, я окончательно убедился в правильности своего выбора. Что бы там ни говорили, это поможет избежать раздоров среди коллектива. Опять же, опыт, как говорится, не пропьешь! Есть рекомендация его бывшего шефа, весьма лестная. Словом, прошу любить и жаловать!

Дмитрий Алексеевич поднялся и обвел присутствующих

панорамным взором.

– Итак, коллеги! Немного о себе! Сколько себя помню, я всю жизнь работаю. В детстве, чтобы помочь родителям, упаковывал глиняные кувшины в гончарном кооперативе, позже делал их сам, благо, руки росли оттуда, откуда надо. Потом, учась в вузе на вечернем, торговал мясом в киоске предприятия «Живсоюз». Окончив институт, делал карьеру, прошел путь от рядового банковского клерка до начальника отдела в «Клементине». Порой не спал ночами, выходил на работу в выходные, пахал денно и нощно. Главное в наше время – это работать на совесть, не щадя себя! Когда трудился в банке, там была женщина-бухгалтер. Так вот, она больше тридцати лет умудрилась проторчать на одном месте, и жизнь ее состояла из одних и тех же действий. После работы она ехала на дачу, потом готовила ужин для мужа и детей и ложилась спать, и так изо дня в день...

– К чему это он? – Ванюша Ленин снова приложился губами к Ленкиному ушку.

– Пока не въезжаю, – отмахнулась та.

– ...посему, деятельность этой, прямо скажем, несчастной женщины, сводилась к формальному выполнению обязанностей. В своем отделе я не потерплю подобных вещей! Работать, как жить – мой девиз! Если мы хотим получать достойную зарплату, то должны выкладываться полностью! Тот, кто трудится не в полную силу, пусть не рассчитывает на лояльность с моей стороны. У нас не социализм, где получали ко-

пейки за приход на службу и питье чаев в рабочее время.
Всем, всем, всем! Усвоить накрепко! Это тост!

Захаров одним махом опрокинул рюмку водки.

– Вот теперь точно – аминь, – обреченно прошептала Ленка Зимина.

– Вернее, амбец! – проговорил Ванюша Ленин.

– Ну, ребят, мы попали, – заключила Таня Зарова.

12. 9 июня, 11.05. Андрей Волохов

Андрей Волохов вытер лицо бумажным платком. Как человек, проводящий большую часть жизни в дороге, он привык к неудобствам. В придорожном кафе дальнобойщик купил бутылку лимонада, прямо из холодильника, в ледяной испарине, сделал несколько больших глотков, в горле защищало от пузырьков. Есть пока не хотелось, но позвонить любимой – святое дело. Однако в ответ парню звучали все те же противные звукосочетания: «Абонент временно недоступен.»

«Оксанка, Оксанка, где же ты?» – мысленно воззвал к девушке Волохов, плюхаясь убедительно красивой задницей на раскаленное, словно сковорода для блинов, сиденье.

Он не боялся соперничества Дениса Рыбака – с некоторых пор сопливый студент его ни капельки не волновал. Ведь Ксюшка оценила старания дальнобойщика ей соответствовать, особо льстила его трепетность и предупредительность, а уж внешностью и фигурой Андрей не подкачал, обладая истинно мужской привлекательностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.